УДК: 82.091
DOI: 10.31029/vestiyali37/2

АНТИНОМИЯ «ЛОЖЬ – ПРАВДА» В КУМЫКСКОЙ ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ПОЭЗИИ

М. А. Гусейнов,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского ФИЦ РАН

В статье, посвященной кумыкской поэзии времени гласности и перестройки второй половины 1980-х годов, рассмотрена в качестве одной из ее характерологических примет антиномия «ложь – правда», имевшая в этот период глубоко символичный характер. Составленная из противозначных концептов: «ялгъан» («ложь»), олицетворяющим недавнее советское прошлое, и «герти» («правда»), символизирующим современность, перестройку, данная дилемма отражает динамику социокультурного процесса, оптимистический пафос литературы.

Ключевые слова: кумыкская поэзия, концепт, «ложь – правда», перестройка, эволюция, пафос.

In the article devoted to the Kumyk poetry of the time of Glasnost and Perestroika, the second half of the 1980s, the antinomy "lie – truth", which had a deeply symbolic character during this period, is considered as one of its characterological features. Composed of contradictory concepts: "yalgan" ("lie"), personifying the recent Soviet past, and "gerti" ("truth"), symbolizing modernity, Perestroika, this dilemma reflects the dynamics of the sociocultural process, the optimistic pathos of literature.

Key words: Kumyk poetry, concept, "lie – truth", Perestroika, evolution, pathos.

Вторая половина 1980-х годов была ознаменована беспрецедентными процессами в общественно-политической жизни нашей страны. Знаковыми для этого времени стали такие понятия, как «новое мышление», «гласность», «плюрализм», «перестройка». Ситуация в обществе адекватно отразилась и в литературе и искусстве, которая постепенно освобождалась от идеологических, социальных, цензурных и иных внелитературных факторов.

Демократические преобразования этих лет сопоставительно с «оттепелью» имели более основательный, фундаментальный характер. Тем не менее процесс раскрепощения в 1980-е годы шел, условно сказать, снизу. Это были первые шаги к свободному мыслевыражению, которое утвердилось в последующее десятилетие. В кумыкской поэзии благодаря индивидуальному своеобразию авторов, их творческой смелости стали осваиваться новые темы, которые в советский период были табуированы. Впервые стали затрагиваться, например, тема репрессий 1930-х годов, героика национальной истории многовековой давности, да и в целом активизировался процесс этнического самопознания, возрождения духовно-религиозных ценностей и т. д.

В монографии Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого отмечено: «Уже первые шаги демократических реформ, и в первую очередь – «гласность», а затем и полная отмена политической цензуры, привели к резкой активизации литературной жизни в конце 1980-х – начале 1990-х годов» [5, с. 414]. Важным было то, что стало можно говорить правду, писать о наболевшем, писать начистоту, без недомолвок и умолчаний.

1980-е годы в кумыкской поэзии были временем перехода из одного состояния в другое, новое только пробивало себе дорогу. Этим фактором, думается, было обусловлено то, что национальные авторы оперировали часто образами-символами, концептами. Кроме того, перемены в обществе нашли адекватное отражение в восторженном пафосе поэтических

произведений, в образности, метафоричности, в том числе в наиболее распространенных концептах этих лет.

Смена мировоззренческих концепций была предметно озвучена, естественно, в произведениях гражданской, социальной направленности. Кумыкские поэты поначалу обращались к концепту «время» («заман»), отождествляя его с современностью. В последующем веское выражение обрели концепты «ложь» («ялгъан») и «правда» («герти»), которые в большей мере фигурируют в качестве антиномии, дилеммы. При этом «ложь» предстает символом советского прошлого, которое, естественно, имеет отрицательную семантику, ибо оно ассоциируется с приукрашиванием действительности, как наиболее знаковой его приметой. Составляющая оппозицию «правда», символизирующая современность, время перестройки, имеет не только положительную коннотацию, но и трактуется чаще всего в восторженном ключе.

Сентенция «время настало», «время пришло», фигурируя в формах «заман гелди», «заман гелген», звучит рефреном в стихотворении М. Атабаева «Время» («Заман»), определяя его мажорную тональность. В данном случае повторы выполняют утвердительную функцию. Автор убежден, что время это уже наступило, что оно благостно, желанно, что мы уже живем в новой данности. Используя названное выражение в качестве анафоры, поэт образно, метафорически излагает суть нового времени:

Заман гелген, –
ялгъан ярыкъ яягъан
маякълардан гемелерин бурагъан,
замандашлар, Элин, халкъын аягъан
гертиликге аркъа таяп турагъан [2, с. 12].

Время пришло, –
когда мореходы сворачивают с пути свои корабли,
ориентированные на ложные маяки;
современники, оберегавшие свою Родину, свой народ,
стоят теперь, опираясь на правду.

М. Атабаев, воспевая современность, высвечивает ее позитивно на фоне сравнения с недавним прошлым. По его мнению, «время пришло, / когда современники наши, / вдохновясь, роют глубокую яму лжи» («Заман гелген, / замандашлар ругьланып, / ялгъанлагъа терен къую къазагъан»).

Примерно в таком же ключе рассуждает и Дж. Керимова в стихотворении «Наше время» («Бизин заман»). Поэтесса эмоционально подводит черту под недавним прошлым:

Ямангъа да яхшы деп
Хыйлы тургъанбыз.
Таман! [4, с. 4]

И плохое называя хорошим
Мы долго жили.
Хватит!

М. Атабаев, Дж. Керимова и другие кумыкские авторы воспевают реальность второй половины 1980-х годов в русле одной из ее примет – свободы слова. Заурядная, казалось бы, возможность говорить правду, называть вещи своими именами, выражать свое мнение в те годы представлялась сама по себе значительным достижением.

В этот период оперирование антитезой обретает массовый характер. Прошлое и современность начинают персонифицироваться в устойчивых образах: прошлое – «ложь» («ялгъан»), настоящее – «герти» («правда»), которые становятся концептами, своего рода

маркерами поэзии перестройки. Помимо названных авторов, антиномией «ложь – правда» оперируют А. Акаев, А. Джачаев, И. Асеков и др. В основном части двучлена даются в качестве символов, имеют обобщенный характер. В то же время у некоторых авторов они конкретизируются.

Так, в приведенном стихотворении «Время» М. Атабаев, акцентируя внимание на «лжи», ассоциирует ее в первую очередь с власть имущими – «хакимами», определяемыми им как «шарайыплар» – «позорники». По мысли автора, они любили писать, – как можно предположить, отчеты, указы, которые были ложными, не имели ничего общего с истинным положением дел. М. Атабаев метафорически рисует прошлое: «Корабли плыли на ложные маяки», под которыми подразумеваются социалистические идеалы, на которые ориентировалось общество.

А. Акаев в стихотворениях «Правда» («Гертилик»), «Не найдется сердечного друга понять нас…» («Сёзюбюзню англар сырдаш табулмай…»), предаваясь раздумьям о правде и лжи, вынужден признать, что ложь могущественна, что слово правды пробивает себе дорогу с трудом. Лирический герой стихотворения «Правда» заверяет в финале:

Гертим учун дюнья гёзден салса да, <…>
Ялгъангъа мен ялгъа турман, йыр тизмен [1, с. 67].

Хоть весь мир восстанет против меня за мою правду, <…>
Я служить не буду лжи, слагать ей стихи.

В то же время он признает, что нередко «бесправедные» («гертисизлер») оказываются победителями и им приходится уступать.

Более оптимистично звучание его произведения «Годекан» («Очар»). Согласно его содержанию, перестройка, образно именуемая автором «кораблем радости» («сююнч геме»), усиливает позиции «правды» («герти»). Будучи сторонником традиционной обрядности, А. Акаев связывает правду с «очаром» – «годеканом», являвшимся местом, на которое собирались жители, старейшины села, где решались, помимо прочего, важные общественные вопросы. Поэт убежден:

Гьакъ Гертини къазагъы
Болгъан очар халкъ учун [1, с. 8].

Истинной Правды казаком (служивым)
Был для народа очар.

Поэт замечает, что на «очарах», где выражалось мнение народа, не было места непристойности, лжи, там всегда звучало слово правды. Однако это не устраивало власть, которая запрещала все традиционное, в том числе очары. Теперь же лица, находившиеся у власти и ее утратившие или утрачивающие, собираются на свои, скрытные очары («яшыртгъын очарлар»). Автор не сомневается, что если на народных очарах люди думают о том, как помочь страждущим, помочь, если надо, возвести дом и т. д., то на «скрытных» озабочены обратным: кого бы поставить на место, приткнуть, а порой и вовсе оставить ни с чем, то есть ориентированы против народа, на разрушение. Здесь очевидны параллели: правда – это народ, точнее, очар, его олицетворяющий, которому противостоят представители властной вертикали, себя сполна скомпрометировавшие.

Одним из достоинств поэзии А. Джачаева является умение эффектно выразить свою мысль посредством противопоставления, антитезы. Данная особенность имеет наглядное выражение и в его стихотворении «Лживая хвала, лживые аплодисменты» («Ялгъан макътав, ялгъан харс»). Поэтическая экспрессия воплощается, как и в приведенных выше примерах, в повторах, анафоре. Рефреном в произведении выступает первая строка, вынесенная в заглавие;

в трех последующих строках строфы разъясняется порочность этого явления как с позиций традиционной народной, так и общечеловеческой морали. Естественно, авторские трактовки имеют образный характер. Так, в частности, «лживая хвала, лживые аплодисменты» приравниваются к яду, «грому без дождя», мосту, который разрушается, как только на него наступят; они ранят сильнее огнестрельного оружия. С горечью замечая о том, как много лжи в мире вообще, поэт завершает свое моралите назиданием о назидании:

Барындан да яман бар
Ялгъан макътав, ялгъан харс
Ачмай къойса гёзюнгню,
Болмай къалса сагъа дарс [3, с. 17].

Но хуже всего, если
Лживая хвала, лживые аплодисменты
Не раскроют тебе глаза.
Если не станут уроком для тебя.

Антиномия «ложь – правда», как и собственно концепты «ложь», «правда» в отдельности, является маркером определенного времени, начального этапа демократизации общества. Естественно, к ним апеллировали и до, и после. Но в том значении, в котором они трактуются в данном случае, они были приметой в большей мере начала времени гласности, перестройки, когда еще не было полной свободы, когда еще было предпочтительнее выражаться в завуалированной форме.

Параллели в литературе всегда условны. Тем не менее антиномия «ложь – правда» обнаруживает схожесть с другими антитетичными конструкциями, фигурирующими в советской литературе, в том числе дагестанской. В частности, в 1920–1930-е годы имела широкое распространение дилемма «прежде – теперь», базировавшаяся на противопоставлении дореволюционного прошлого и советской нови. Нельзя не заметить, что при довольно существенной схожести семантики, они имеют противоположное смысловое содержание. Прежде всего, заметим, что они несоразмерны в количественных параметрах; век дилеммы «ложь – правда» был короток, так как быстро менялась реальность. То, о чем можно было говорить шепотом, становилось рутиной, открывались новые горизонты. Художественная жизнь также развивалась динамично, сменялись тенденции, на смену одним актуализировались другие, в том числе проблемно-содержательного характера.

Главное отличие антиномий «прежде – теперь» периода строительства советской власти и «ложь – правда» времени перестройки заключается в том, что если в первом случае социалистические идеалы, установки официальной идеологии, власти отстаивались, воспевались, то во втором – эти идеалы, властные структуры уже подвергались критике, обличению.

Таким образом, рассмотрение антиномии «ложь – правда» в кумыкской поэзии времени перестройки дает основание считать, что она является отражением определенной тенденции, раскрепощения художественного слова от гласных и негласных запретов, цензуры. В ее семантике высветился пафос поэзии 1980-х годов, оптимистическая, жизнеутверждающая тональность. Обретавшаяся свобода выражения своих, сугубо сокровенных чувств и мыслей способствовала обновлению поэтики словесного искусства. Обращение национальных авторов к символике, концептам служило свидетельством их стремления к глубокому постижению сути явлений реальности, человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акаев А.* Годекан (Очар). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. 208 с. На кум. яз
2. *Атабаев М.* Заветное слово (Намуслу сёз). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. 192 с. На кум. яз.

3. *Джачаев А.* Любовь не прощает (Сююв гечмей). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. 120 с. На кум. яз.

4. *Керимова Дж.* О, женщины, женщины (Огь, къатынлар, къатынлар). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 180 с. На кум. яз.

5. *Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Русская литература XX века (1950–1990-е годы): в 2-х т. Т. 2. 1968–1990. М.: Издательский дом «Академия», 2008. 688 с.

Поступила в редакцию
06. 02. 2024.

Гусейнов Малик Алиевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: iyalidnc@mail.ru

Guseynov Malik Alievich, Doctor of Philology, chief researcher, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: iyalidnc@mail.ru